

ки Ухтомский также использовал понятие «симптомокомплекс». Будучи сформированы, они меньше сопротивляются нашей воле, становятся произвольными, например, восприятие (наблюдение), внимание, память. Если мы не признаем объективность образа, разума, будем считать их чем-то эфемерным, ирреальным, то будем «неизбежно обречены на столь же бесспорное, предрешенное отрицание знания. Ведь, если разум непричастен бытию, то и бытие непричастно разуму, т. е. алогично»³⁹.

Итак, мы, как минимум, можем утверждать, что если атрибуты души — познание, чувство и воля есть реальность, то и душа и дух не менее объективны, чем, например, материя (в философском смысле).

Функциональные органы, — согласно А. А. Ухтомскому это — не механизмы первичной конструкции. Они представляют собой новообразования, возникающие в жизни, деятельности индивида, в процессе его развития и обучения. В реальном поведении и деятельности многочисленные функциональные органы работают не изолированно, они вступают во взаимодействие не только с миром, но и друг с другом. В своей совокупности они составляют труднодифференцируемый организм — одновременно предметный, телесный и духовный. Особенность этого организма, назовем его духовным или одухотворенным, состоит в активности, действенности, направленности не только вовне — на созидание, творчество, но и вовнутрь — на самосозидание.

Настоящий текст — всего лишь попытка реконструкции замысла А. А. Ухтомского. Его замысел, как минимум, не противоречит целому ряду концептуальных схем, развитых в российской психологии: физиологии активности Н. А. Бернштейна, культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, нейропсихологии А. Р. Лурии, психологической теории деятельности С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, психологии действия А. В. Запорожца. На его основе возможно не только более органическое объединение перечисленных направлений, но и создание некоторого целого.

О структурном представлении и уровнях анализа деятельности

Едва ли следует подчеркивать, что деятельностная трактовка психики не является общепринятой. Она ближе к европейской, чем к американской традиции. В последней относительно независимо друг от друга исследуются когнитивная и деятельностная сферы. Это мощные и разветвленные направления Cognition Psychology, Performance и Motor Control, к сожалению, слабо взаимодействующие одно с другим.

В недостаточной распространенности деятельностной трактовки психики повинна и сама психологическая теория деятельности. В ней значительно большее внимание уделялось ее внешним формам по сравнению с внутренними, преобладало описание ее оперативно-технических по сравнению с интимно-личностными аксиологическими свойствами. Задача настоящего изложения состоит в обогащении ее исходных определений и в поиске зоны ближайшего развития не только этой теории.

Вариант психологической теории деятельности, развитый А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией и их коллегами, неразрывно связан с культурно-исторической психологией. Он, конечно, имеет корни в немецкой философии, включая Маркса. В 1960-е гг. теория деятельности вернулась к культурно-исторической проблематике, на какое-то время запрещенной, потом подзабытой, но всегда существовавшей в ее подтексте. Поэтому в настоящем тексте мы не будем дифференцировать культурно-историческую психологию и психологическую теорию деятельности. Они трудно различимы.

Среди разнообразных форм активности живых существ наукой выделены оппозиции: реакция — акция, поведение — деятельность. Особняком стоят поступок и деяние. В характеристиках реакций и поведения подчеркивается их детерминированность, иногда предо-

³⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 73.

пределенность, либо полное отсутствие, либо минимум свободы, прежде всего свободы воли. Напротив, в характеристиках действия, деятельности, поступка, деяния подчеркивается наличие свободы, вплоть до отождествления этих форм активности с ней. Следствием такого отождествления являются и характеристики человека, с одной стороны, как свободного, а с другой, как деятельного существа. Приведем высказывание Шеллинга: «Именно сама внутренняя необходимость умопостигаемой сущности и есть свобода; сущность человека есть его собственное деяние, необходимость и свобода существуют одна в другой, как одна сущность, лишь рассматриваемая с различных сторон и потому являющаяся то одним, то другим»¹.

Здесь интересно не только отождествление деяния и свободы, но и несводимость свободы к необходимости, как это было у стоиков, у Спинозы и в значительной мере также у Канта и Фихте. Это означает, в частности, что различия между реакцией и действием, поведением и деятельностью, несмотря на всю их фундаментальность, не являются абсолютными. Абсолютизация этих различий — дело значительно более позднее. Оно принадлежит науке, в том числе и психологии, которая, видимо, шла за социальной практикой. Реакция и действие (также как и свобода, и необходимость) могут представлять одну и ту же сущность, существовать одна в другой, и когда эта сущность (в нашем случае активность) рассматривается с разных сторон, она и является то реакцией, то акцией. Поэтому в психологии столь сложно их различение и введение по отношению к ним строгих дефиниций.

Конечно, человеческая свобода связана не только с действием, деянием, но и с сознанием, с человеческим Я, но все же, если говорить о сущности человека, о генезисе свободы в психологическом смысле, то на передний план выступает не реакция, не рефлекс, а действие. Если деятельна сущность человека, то деятельным должно быть и его существование, бытие. Видимо, об этом писал Гёте: «Деяние — основа бытия». Более четкую формулировку дал Гегель: «Истинное бытие человека... есть его действие; в нем индивидуальность действительна»². Это не случайная для него фраза, поскольку

¹ Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы. СПб., 1908. С. 48.

² Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа. М., 1959. С. 172.

ку он связывал с движениями и свободный дух: «...сам дух не есть нечто абстрактно-простое, а есть система движений, в которой он различает себя в моментах, но в самом этом различении остается свободным»³.

В высказывании Гегеля осталась непроявленной ключевая для нас мысль о различении человеком себя в моментах. Не ясны ответы на вопросы: Что это за моменты? Где они хронологически и содержательно находятся? Наиболее простая гипотеза на этот счет может состоять в том, что Гегель под моментами свободы имел в виду то, что на современном психологическом языке именуется латентными периодами в выполнении действия, периодами внутреннего выбора и принятия решений. Внутри них вполне может происходить рефлексивная работа по доопределению человеком самого себя, своего Я, проявлению имплицитных потребностей и мотивов. В этом случае основное внимание при исследовании, например, поступка могло бы быть уделено не столько его совершению, сколько подготовке.

Но возникает вполне оправданное сомнение. Только ли этим периодам присуща свобода? Неужели она теряется на других этапах совершения поступка?! Неужели он похож на так называемое баллистическое движение, все параметры которого уже подготовлены, запрограммированы еще до начала выполнения? И совершая поступок, человек уже теряет свободу, становится ограниченным в своих возможностях. А поступком начинает править жестокая необходимость. На наш взгляд, так действительно может показаться, если рассматривать отдельный поступок как единственный акт, не имеющий предыстории и продолжения. На самом же деле связь поступка с психической жизнью человека и его развитием диктует другие пути исследования его характеристик.

Приведенные выше реминисценции являются своего рода оправданием того огромного внимания, которое в традиционной и в современной психологии уделялось и уделяется изучению движений, действий, деятельности вплоть до конструирования общепсихологических теорий деятельности, моделей действия, изучения живого движения и т. п. Более того, некоторые авторы предлагали признать действие в качестве единицы анализа всей психики, де-

³ Там же. С. 175.

лались попытки как выведения ее функций из действия и живого движения, так и сведения этих функций к ним⁴.

Движение, действие, деятельность в психологии выступали и выступают не только в качестве предмета исследования, но и в своих порождающих свойствах и функциях. С. Л. Рубинштейн писал, что «В действии психологический анализ может вскрыть зачатки всех элементов психологии»⁵. Подобное понимание с необходимостью приводит к тому, что действие и деятельность начинают выступать в качестве объяснительного принципа всей психической жизни человека. Это одно из основных положений, развивавшееся А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном, их сотрудниками и последователями в рамках психологической теории деятельности. В этой теории восприятие, опознание, внимание, память, воображение, мышление, эмоции не только выводились из действия, но и сами, как таковые, рассматривались как формы действия. Именно как формы, а не как части или элементы действия. В этом состоит своеобразие и оригинальность деятельностной трактовки психики, развитой П. Я. Гальпериним, В. В. Давыдовым, А. В. Запорожцем, П. И. Зинченко, Д. Б. Элькониним и др. В настоящем тексте невозможно аргументировать основательность такой трактовки психики. Ее аргументация, в том числе эмпирическая и экспериментальная, потребовала бы многотомного изложения.

Понятие деятельности и действия — это наиболее фундаментальные понятия в науке о человеке, поскольку за ними скрыта онтология человеческой жизни. Они же и наиболее трудноопределимые понятия, поскольку выступают в многочисленных ипостасях, как и их субъект — человек. Для человека равно применимы, хотя, возможно, и преждевременны, определения — эпитеты-авансы: умелый, разумный, играющий, работающий, экономический, политический, гуманный, учащийся, самотворящий, наконец, универсальный. Философия и наука эффективно используют понятие деятельности для объяснения самых различных явлений социального мира, в том числе и для объяснения свойств человека, скрывающихся за перечисленными и неперечисленными его определениями.

⁴ См. анализ подобных высказываний в книге: *Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии*. М., 1983. С. 81—152.

⁵ *Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии*. М., 1940. С. 143.

Но, как заметил Э. Г. Юдин, «ситуация резко меняется, когда объяснения требует сама деятельность, когда она из орудия объяснения превращается в то, что само должно быть определенным образом исследовано. Здесь мы уже не можем ограничиться указанием на эмпирически очевидный факт активности человека, но должны перевести эту очевидность в систему теоретических понятий, которые позволяют представить деятельность, как особую действительность, с особыми качествами и специфической структурой»⁶.

Бесспорно, что деятельность представляет собой специфический способ освоения действительности человеком, который есть в то же время способ становления самого человека, способ его самореализации. Сказано «в то же время», что интуитивно приемлемо, но на деле эти способы оказываются принципиально различными видами деятельности.

Отсюда и большое разнообразие более или менее правдоподобных попыток структурного представления деятельности. Общим в них является только слово деятельность. Кстати, это слово довольно поздно появилось в философии как конкретизация или содержательное раскрытие связи субъекта и объекта, что привело к основной триаде: «субъект — деятельность — объект»⁷. Назначение диады «субъект — объект», как и назначение триады «субъект — деятельность — объект» — это описание взаимодействия человека с миром. Когда речь идет о деятельности *per se*, то проявляется другая триада: «цель — средство — результат». Когда речь идет о психологической характеристике деятельности, появляется еще одна триада: «деятельность — действие — операция».

При философском анализе деятельности и действия субъект рассматривается как иницирующая сторона, объект — как иницируемая. Субъект — это носитель деятельностной способности. Его атрибутивными свойствами являются потребности, мотивы, цели, интересы, ценности и пр. Для психологии все это само собой разумеется; пожалуй, важно лишь включение объекта в структуру, что, впрочем, тоже для нее не новость. Он включался под видом

⁶ *Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности*. М., 1978. С. 6—7.

⁷ Философский анализ этого феномена, выполненный в эпистемологическом ключе см.: *Лекторский В. А. Субъект, объект, познание*. М., 1980; *Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая*. М., 2001.

стимула и в старые стимульно-реактивные схемы описания поведения. Однако в них иницилирующей стороной был стимул, а реакция субъекта была иницируемой.

Обратимся к представлениям о структуре деятельности, существующим в психологии. Известно эвристически полезное представление о ее структуре, принадлежащее А. Н. Леонтьеву. О выделял три уровня анализа деятельности и соответствующие этим уровням единицы анализа:

Мотив — деятельность

Цель — действие

Условие — операция

В методологическом плане такой подход оказался весьма продуктивным. Но сейчас при его оценке следует учитывать, что практика психологических исследований потребовала дальнейшего совершенствования и развертывания леонтьевской схемы единиц анализа. Ее модифицированный вариант⁸ выглядит следующим образом:

Мотив — деятельность

Цель — действие

Функциональное свойство — операция

Предметное свойство — функциональный блок

Выделенные типы единиц анализа и их детерминанты составляют в своей совокупности четыре уровня анализа.

Деятельность всегда интенциональна. Строение деятельности может быть раскрыто в терминах конституирующих действий, каждое из которых направлено на достижение той или иной предметной цели, связанной (или совпадающей) с мотивом деятельности.

Действие — процесс, подчиненный представлению о результате, который должен быть достигнут, т. е. процесс, подчиненный сознательной цели (А. Н. Леонтьев). Помимо интенционального (и идеального) аспекта, действие имеет и операциональный аспект, который определяется не целью самой по себе, а функционально значимыми свойствами реальности. Задачи, связанные с выделением таких свойств, задают подбор и осуществление операций, конституирующих действие. Таким образом, действие может

быть раскрыто в терминах функциональной структуры конституирующих его операций. Каждая из операций вносит определенный вклад в достижение результата действия. В зависимости от возможности выделения в реальной ситуации функционально значимых свойств одно и то же действие может иметь различную функциональную структуру, т. е. осуществляться с помощью различного состава операций или различных вариантов их координации. Подобное понимание операций несколько отличается от трактовки, предложенной А. Н. Леонтьевым. Отличие состоит в том, что операции вызываются к жизни и детерминируются не условиями осуществления действия как таковыми, а лишь функционально значимыми свойствами, входящими в условия. Ведь условия даны в предметных свойствах реальности, число которых неизмеримо больше числа функционально значимых свойств.

Расчленение условий на функциональные и предметные (может быть, даже лучше сказать — объектные) свойства приводит к изменению трактовки операции как единицы анализа деятельности и введению еще одного уровня анализа, определяемого предметными свойствами ситуации. Психологическая единица анализа, отвечающая предметным свойствам реальности, есть функциональный блок. Операция может быть раскрыта в терминах потенциальной структуры блоков, выполняющих те или иные трансформации входной информации, которые заданы целью, задачей и предметным содержанием деятельности. Точно так же, как нередко можно наблюдать взаимопереходы действия и операции, при перекрытии или совпадении функциональных и предметных свойств реальности операции и функциональные блоки могут совпадать или переходить друг в друга.

Выделенные четыре уровня анализа деятельности образуют ее функциональную структуру. Микроструктурный уровень анализа выступает как существенное дополнение макроанализа деятельности. Микроструктурные исследования, зародившиеся первоначально в русле информационно-кибернетического подхода, наполняются, таким образом, реальным психологическим содержанием. Изучение исходных уровней познавательной деятельности средствами микроструктурного анализа по существу представляет собой изучение закономерностей психики в зависимости от реальных, предметных свойств ситуации. Без такого изучения

⁸ Зинченко В. П., Мунипов В. М. Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 10. М., 1976.

останутся непонятными процессы извлечения из ситуации функционально важных свойств, процессы наполнения деятельности реальным предметным содержанием, т. е. в конечном счете останутся непонятными процессы целеполагания и формирования мотивов деятельности.

В перспективе возможно выделение в рамках психологического исследования еще более дробных единиц и уровней анализа, в частности уровня анализа, с помощью которого возможно раскрыть структуру функциональных блоков, дополнить микроструктуру микродинамикой. Ее решение, по-видимому, потребует дальнейшей модификации рассмотренной схемы анализа деятельности, откуда следует, что предложенная схема с таксономической точки зрения является открытой, как и вся проблема таксономии в психологическом анализе деятельности. Заметим, что схема анализа деятельности обладает характеристиками «открытой структуры». «Выражение “открытая структура,” — размышляет Н. С. Автономова, — неопределенно и многозначно, однако оно устраивает меня тем, что порождаемые им ассоциации ведут нас в ту сторону, куда я хочу двигаться. Открытая — значит незамкнутая, не предопределенная, разомкнутая ко всему, что не структурно (а ипостасей неструктурного может быть бесчисленное множество). Слово “открытая” имеет и еще один ценный смысл: оно предполагает, что структура не есть чистое изобретение, не имеющее отношения к реальности: скорее она “открывается” нам в предмете или, по крайней мере, соотносится — сколь угодно сложным образом — с тем, что имеет отношение к предмету, а не является чистым порождением фантазии. Структура — это, по сути, главное понятие нацеленного на научность гуманитарного познания XX века, это способ организации любого гуманитарного материала, это, наконец, реальный предмет (предметы), на котором (которых) я изучаю вопрос о гуманитарном познании. <...> Эта структура не исключает неструктурное — ни в объекте, ни в способе исследования»⁹. И если для Автономовой, исследующей «открытую структуру» на материале филологического знания, центром таксономии становится слово, то для нас таким центром является действие, имеющее

⁹ Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009. С. 12.

свою собственную «открытую структуру». Более того, все больше оправдывается соображение Э. Г. Юдина о том, что понятие действия представляет собой квинтэссенцию психологической теории деятельности.

Мало кто сомневается, что предметно-практические действия составляют фундамент, на котором строятся и развиваются когнитивные действия. Р. Стернбергу принадлежит прекрасный образ: интеллект в некотором смысле представляет собой конспект человеческой деятельности. Правда, прочесть этот конспект довольно трудно, о чем речь впереди.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что основное значение психологической теории деятельности для науки состоит не в выдвигании принципа деятельности, объясняющего всю психологическую реальность. Эта претензия оказалась чрезмерной и преждевременной, что к концу жизни признали и ее авторы. Важнее то, что в ее рамках проводились фундаментальные исследования предметно-практических (исполнительных), перцептивных, мнемических, умственных, знаково-символических действий. Более того, именно благодаря понятию предметного психического действия и благодаря полученной в рамках психологической теории деятельности внешней и внутренней картине действия, сама эта теория стала широко распространенной и признается не только в отечественной психологии. Частично в рамках теории деятельности, частично за ее пределами начинает складываться специальная наука о действии, которая имеет для будущего психологии не меньшее значение, чем наука о зрении или наука о памяти, мышлении и т. д.

Огромный потенциал развития и сопутствующая ему поразительная глубина дифференциации живого движения являлись главным предметом многолетних исследований Н. Д. Гордеевой с коллегами¹⁰. Основной пафос этих исследований направлен против чисто механической трактовки движения и действия. Издавна принятое в психологии разделение компонентов или фаз действия: когнитивная, исполнительная и коррекционно-контролирующая, конечно, принимается. Но логика построения исследований и их

¹⁰ Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

результаты показывают размытость временных и функциональных границ между ними. В более широких структурах деятельности трудно однозначно локализовать тот или иной компонент. Они непрерывно соприсутствуют, дополняют друг друга, обмениваются своими функциями и временем. Их цементирует общая цель и единый путь. Микроструктурный и микродинамический анализ — основной методический прием, на котором построены излагаемые в книге исследования — позволил на каждой фазе выделить волны и кванты действия, сохраняющие свойства целого. Это дало основания Н. Д. Гордеевой заключить, что не только молярная, но и молекулярная единица действия *гетерогенна* и содержит в себе когнитивные, исполнительные и оценочные компоненты.

«Дыхание» микроструктуры и микродинамики живого движения и инструментального действия подобно тому, что происходит при порождении речевого высказывания или наблюдается в поэтической речи. Сошлемся на авторитетный анализ Мандельштама: «Распределение времени по желобам глагола, существительного и эпитета составляет автономную внутреннюю жизнь александрийского стиха, регулирует его дыхание, его напряженность и насыщенность. При этом происходит как бы “борьба за время” между элементами стиха, причем каждый из них подобно губке старается впитать в себя возможно большее количество времени, встречаясь в этом стремлении с притязаниями прочих. Триада существительного, глагола и эпитета в александрийском стихе не есть нечто незыблемое, потому что они впитывают в себя другое содержание, и нередко глагол является со значением и весом существительного, эпитет со значением действия, то есть глагола и т. д. Вот эта зыбкость соотношения отдельных частей речи, их плавкость, способность к химическому превращению при абсолютной ясности и прозрачности синтаксиса чрезвычайно характерны для стиля Шенье»¹¹.

Поставим на место глагола — исполнение, на место существительного — когницию — образ ситуации, на место эпитета — оценку и получим «борьбу за время», «обмен функциями», «плавкость и способность к химическим превращениям», обнаруженные при изучении формирования и реализации действия. Это говорит о

¹¹ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 93—94.

внутреннем или, точнее, сущностном сходстве слова и дела. Действие ведь тоже текст, который нужно научиться не только исполнять, но и читать, понимая смысл. Путь к установлению такого сходства далеко не прост. Изучение движений требует не меньшей методической изощренности, чем филологическое и лингвистическое исследование¹². Не исключено, что дальнейшее проникновение в микроструктуру и микродинамику действия позволит обнаружить еще более элементарные единицы по сравнению с волнами и квантами.

Н. Д. Гордеевой потребовались тонкие методические средства, чтобы разделить чувствительность движения к ситуации и к возможностям его осуществления. Чередование обеих форм чувствительности происходит несколько раз в секунду с интервалом 125—250 мс. Важно понять, что речь идет не просто об обратных связях, с помощью которых поступает информация о мере соответствия движения инициировавшей его программе, хотя это, конечно, тоже существенно. Главное в том, что посредством действия не только достигается «потребное будущее», о чем писал Н. А. Бернштейн. Каждый шаг действия, уменьшая неопределенность ситуации или доопределяя ее, создает новую неопределенность, порой разрушает, видоизменяет, перестраивает ситуацию. Аналогичным образом с каждым шагом действия меняются необходимые для его выполнения ресурсы. Они не только уменьшаются, часто прирастают. В действии рождаются порывы-смыслоносители. Обнаруженные формы чувствительности и их реципрокность необходимы для улавливания этой двойной динамики. Но этого мало. Показания, даваемые обеими формами чувствительности, должны быть сопоставлены друг с другом и со стоящей перед субъектом двигательной задачей. Значит, от него требуется решение *рефлексивной задачи* в микроинтервалы времени, за которые нужно принять решение о сохранении или изменении способа управления и организации движения. Применительно к таким интервалам не может быть и речи о сознательной координации этих сложных процессов. Тем не менее координация происходит и осуществляется не извне,

¹² Примечательно, что М. Л. Гаспаров называл филологию «точной наукой». См. об этом: Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М., 2009. С. 269.

а средствами самого действия, которое *становится из реактивного чувствительным и рефлексивным*.

Подавляющее большинство исследований исполнительных действий было стимулировано задачами психологии труда, инженерной психологии, эргономики, психологии спорта. Что касается общей и экспериментальной психологии, то предметно-практическое, исполнительное действие претерпевало в ней странную судьбу. Оно очень редко выступало перед исследователем в своей самоценности. В большинстве случаев оно изучалось не как таковое, а в своей функциональной, служебной роли.

Действию как бы задавались прагматические вопросы: зачем, для чего? Исследователи будто бы сомневались в его самодостаточности и рассматривали не как фундамент, а как трамплин, облегчающий прыжок к восприятию, памяти, мышлению, эмоциям. А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн даже выстраивали систему аргументов в пользу трактовки действия как такого же полноценного предмета психологического изучения, каким являются восприятие, внимание, память, мышление. Но им (пожалуй, кроме А. В. Запорожца) не терпелось перейти, прыгнуть от действия к высшим психическим функциям, к числу которых действие они все же не относили.

Внешняя и внутренняя формы действия

Поиск, ориентировка, запоминание, выбор, решение — это высшее, а исполнение — оно и есть исполнение, оно служебное, само собой разумеющееся, элементарное, почти низшее. Хотя это последнее слово не произносилось, но оно подразумевалось. А от низшего, естественно, хочется быстрее перейти к высшему. И переходили, выстроив «теорию интериоризации», согласно которой практическое действие с весомыми, грубыми, зримыми предметами «вращивается», постепенно переходит в тонкую идеальную материю собственно психического, во внутренний план умственной деятельности. Такая логика кажется бесспорной, самоочевидной, эмпирически оправданной. И в самом деле, ребенок сначала считает палочки пальцами и громким голосом, потом только глазами и голосом, потом «про себя», наконец, в уме. Очень наглядно и даже кажутся излишними экспериментальные исследования, которые, впрочем, вскрыли не только удивительно интересные детали обучения, но и уроки предметности, которые сохраняют высшие психические функции, несмотря на свою автономизацию от предметного действия.

Внешнее предметное действие реализует (экстериоризирует) идеальный замысел и умирает в продукте. С другой стороны, и интериоризация — это своего рода похороны внешней предметной деятельности. А раз у предметной деятельности все равно такая судьба, то зачем ее исследовать? Достаточно признать действие исходной единицей анализа всей психики, неразвитым началом развития целого, а затем найти или выбрать такое действие, которое скорее бы «скончалось», куда-то вросло, будь-то голова, мозг, внутренний идеальный план и т. д.

После этого можно красиво порассуждать относительно левого и правого полушария или о межнейронных взаимодействиях при запоминании, решении задач или о том, что в процессах интерио-